

М. А. Волхонский, В. М. Муханов

КОНЦЕПЦИЯ «РУССКОГО МИРА». МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СМЫСЛОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

Михаил Алексеевич Волхонский, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

Вадим Михайлович Муханов, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН.
E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется концепция «Русского мира», прочно вошедшей во второй половине 2000-х гг. в современный российский политический лексикон. Объективным основанием появления данной концепции является существование за пределами современной России многочисленных русскоязычных общин, а также значительная цивилизационная роль русского языка и культуры. Характерной особенностью этой концепции является отсутствие четкого, однозначного определения того, что же из себя в действительности представляет сущность, именуемая Русским миром. Соответственно, имеется множество определений, приписываемых языковой форме Русский мир.

В статье рассматриваются особенности существования русских общин в ближнем (постсоветское пространство) и дальнем зарубежье в контексте современных международных процессов. В заключении, с учетом разнообразия пониманий «Русского мира», а также негативного опыта проводившейся российскими властями политики в отношении русских общин зарубежья, обрисованы возможные направления изменения и развития этой политики в будущем.

Ключевые слова: Россия, русскоязычные общины зарубежья, Русский мир, международные процессы.

Во второй половине 2000-х гг. категория «Русский мир» прочно утвердилась в российском политическом дискурсе. Объективной основой для ее появления стало не только существование за пределами современной России многочисленных русскоязычных общин, так или иначе соотносящих себя с Россией, ее историей и культурой, но также и то обстоятельство, что русский язык и культура занимали важное место в истории мировой цивилизации — и, в общем, продолжают его занимать независимо от негативных трендов. Появление концепции «Русского мира» стало результатом поиска позиционирования страны в сложных внутренних и внешних условиях как особого историко-культурного пространства.

Впрочем, понятие «Русского мира» и выстроенная/выстраиваемая вокруг него концепция до сих пор остаются недостаточно определенными. Появление концепции «Русского мира» стало результатом поиска позиционирования страны в сложных внутренних и внешних условиях как особого историко-культурного пространства.

Впрочем, понятие «Русского мира» и выстроенная/выстраиваемая вокруг него концепция до сих пор недостаточно определены. Русский мир (в дальнейшем будем использовать эту формулу без кавычек) можно себе представить как некий собирательный образ, суммирующий представления целого ряда политологов, историков, философов, публицистов и других представителей гуманитарных теорий и практик. Не вдаваясь в детали многолетних обсуждений и дискуссий, констатируем, что их итогом стало формирование весьма протяженного континуума возможных интерпретаций Русского мира. Наиболее рестриктивная из них предполагает сведение Русского мира к русским одновременно по этническому происхождению и языку, и при этом обязательно

православным, проживающим как в современной России, так и за ее пределами. Эта интерпретация имеет достаточно обширное, но не доминирующее, распространение.

Широкое понимание Русского мира подразумевает включение в него всех проживающих как в России, так и за рубежом этнических русских, а также людей, имеющих иное этническое происхождение, но сознающих (и часто декларирующих) свою принадлежность к русской истории и культуре. Критерии принадлежности при этом могут быть различными и взаимно дополнять друг друга: помимо русской этничности, это и принадлежность к Русской Православной церкви, постоянное использование русского языка в значимых сферах жизни, глубокий интерес к российской истории и культуре, отождествление себя с ними. Ключевую роль здесь играет русский язык, являющийся главным инструментом как освоения мира, так и пребывания в пространстве русской истории и культуры [2, с. 895–896]. Согласно этой версии Русский мир обладает довольно сложной географической структурой, включая в себя русское население России, русские общины постсоветского пространства и русские диаспоры «дальнего зарубежья». Каждая из этих «частей» обладает специфическими свойствами, для них характерны и специфические проблемы.

Разумеется, консенсуса в российском экспертном сообществе относительно содержания и границ Русского мира не существует. Мозаичность представлений способствует тому, что политика, которую российские власти проводили в отношении Русского мира, не обладала стратегической целостностью и, пожалуй, не соответствовала реальной сложности (сложносоставности) Русского мира. Это становится ясно при последовательном рассмотрении обозначенных выше его «частей».

Даже включение России в пространство Русского мира одно время было под вопросом. Впрочем, и в десятые годы, говоря о Русском мире, некоторые эксперты и политики подразумевают — прежде всего, а иногда исключительно — внешний мир, то есть, выражаясь термином еврейской истории, *расcеяние*. Между тем, в свое время покойный В. Л. Цымбурский в полемике с П. Г. Щедровицким указывал на недопустимость сведения Русского мира исключительно к русским общинам и диаспорам за рубежом, поскольку именно нынешняя Россия, по его мнению, является ядром Русского мира и даже своего рода генератором русскости [5, с. 513].

Различные определения Русского мира имели и имеют различные политические коннотации. Так, понятие «глобальные русские», возникшее на рубеже 1990-х и 2000-х гг., подразумевает тех носителей русского языка и русской культуры, кто, оказавшись успешен, профессионально и социально, за рубежом, не утратил при этом русской идентичности и способен привнести в Россию фактически отсутствовавшие в ней тогда современные деловые практики. Нетрудно заметить, что это понятие связано с представлениями об «ученичестве», об «отсталости» России, однако не вытекает из них прямо. «Глобальные русские» (экспаты) представляются тем самым субъектами позитивных перемен.

Понимание Русского мира как совокупности старых эмигрантских общин (потомков первой и частично второй волны) подразумевает восстановление целостности русского исторического наследия. При таком прочтении очевидно менее значимыми — для перспективы русского возрождения — оказываются русские в бывших республиках СССР и представители поздних эмиграционных волн.

Тема русских общин на пространстве бывшего СССР за пределами России связана с иными политическими коннотациями: прежде всего, с последствиями распада СССР и исторически новой ролью русских как национального меньшинства. Официальная Москва подходила и подходит к этой теме с осторожностью. В 1990-х гг. судьба русских в бывших советских республиках была очевидным упреком властям России, не озаботившимся гарантиями их прав. Кроме того, вопрос о правах русских, оказавшихся за пределами России после 1991 г., расценивался и расценивается по сей день как неудобный и неуместный с точки зрения выстраивания отношений с новыми государствами и их элитами. Все они проходили через сложный процесс формирования политических идентичностей и, пусть в разной мере, видели в русской теме потенциальную угрозу консолидации своих политических режимов.

Наконец, Русский мир интерпретировался и как одна из опор интеграции на постсоветском пространстве. С одной стороны, отсылка к общему культурному и историческому наследию, пусть и довольно аморфная, позволяла снабдить имеющиеся интеграционные проекты (Союзное государство России и Белоруссии, ОДКБ, ЕАЭС) ценностным содержанием, которого им явно не доставало и которое не могло быть сколько-нибудь удовлетворительно восполнено идеологическими конструкциями евразийства, умозрительными и интеллектуально бедными. Такая

трактовка Русского мира принципиально предполагала включение в его состав любой этнической общности на постсоветском пространстве и тем самым размывала и обесмысливала само понятие «русский». Впрочем, признание общности, универсальности русской культуры и ценности русского языка являлось и является работающим аргументом в пользу интеграции. С другой стороны, прежде всего в церковной дипломатии, Русский мир в более узком смысле был адресован народам Украины и Белоруссии как способ напомнить о единстве трех восточнославянских народов и подкрепить их церковную общность общественно-политической близостью. Отсылка к Русскому миру в этом контексте не предполагала политических обязательств, которые были бы гарантированно отвергнуты, но легитимировала в публичном пространстве идею русско-украинско-белорусского триединства.

Русский вопрос теснейшим образом связан и с определением места русских в политической, социальной и культурной жизни современной России. От Советского Союза нынешняя Россия унаследовала доктрину многонационального государства, включая представления об особой — прикладной, «инструментальной» — «миссии» русского большинства. Эти представления предполагают, что русские — не столько политическая нация, обладающая субъектностью и суверенитетом, сколько своего рода «скрепляющий раствор» для конгломерата народов и культур Российской Федерации. Такая трактовка, полагающая русских не целью, а средством государственной политики, приписывающая им некую инструментальную функцию, вызывает вполне обоснованные дискуссии, ставшие особенно заметными в начале нынешнего десятилетия. Она встречает отторжение со стороны тех, для кого не существует вопроса: имеют ли русское право на собственные интересы, которые, разумеется, могут не совпадать с интересами и планами государственной бюрократии [3, с. 86]?

Этот спор имеет непосредственное отношение к доктрине и практике Русского мира. Так, если русские это — «скрепляющий раствор», а русская культура — инструмент постсоветской интеграции, то нет оснований возражать, когда партнеры России по ЕАЭС поддерживают и развивают исторические нарративы, оставляющие русским место агрессоров, поработителей и колонизаторов. Эти нарративы считаются извинительной уступкой национальному самосознанию стран-партнеров, полезной для продолжения процесса интеграции. Если русские — самостоятельная общность, обладающая собственными интересами, то унижительная или осуждающая риторика в их адрес должна расцениваться как подрыв интеграционных усилий. Если русские — это средство, то наступление на их языковые и культурные права на Украине не может служить препятствием для сотрудничества с Киевом (как это и происходило на протяжении десятилетия между первым и вторым «майданами»). Если русские — это цель, то защита их прав должна быть приоритетом внешней политики на украинском направлении.

Соединение доктрины Русского мира с представлением об инструментальной миссии русских открывает вопрос об иных «мирах» — тюркском, финно-угорском, кавказском, исламском... — уже в пределах Российской Федерации. Трактовка русских как «скрепляющего раствора» оставляет мало оснований для русского культурного приоритета в России.

* * *

С распадом Советского Союза за границами России оказались миллионы русских. Для этой части Русского мира ключевой является проблема русских как разделенного народа. Данная концепция была впервые озвучена еще в начале 1990-х и стала ответом на бедственное положение русского населения бывших советских республик, оказавшегося вне привычного социального и культурного патронажа со стороны государства, в условиях социально-экономического кризиса, а также репрессивной политики в отношении русского языка и культуры со стороны правительств некоторых из постсоветских государств.

Но Русский мир постсоветского пространства невозможно описать с помощью одной лишь концепции «русские — разделенный народ». Очевидно наличие процессов «регионализации» русских общин, когда значительная часть русских начинает воспринимать себя как, с одной стороны, русских, а с другой — как уроженцев того или иного постсоветского государства.

Кроме того, русское зарубежье постсоветского пространства (в контексте расширительного определения Русского мира) может включать в себя и не являющихся этнически русскими людей, которые сами или их родители выросли в СССР и для которых русский является либо основным, либо вторым языком, и которые ощущают в большей или меньшей степени свою причастность к советской культуре, практически не отделяя ее от русской. Именно для русского зарубежья постсоветского пространства характерно фактическое слияние советского

и русского культурного и исторического наследия, поскольку именно сквозь призму советской культурной политики и идеологии население союзных республик и воспринимало культуру русскую. Соответственно, для постсоветского пространства «советско-русская» культура, а также советская историческая память играют ключевую роль.

Понятие «Русский мир» специфически значимо в контексте разделенности русских. Обращение к этому понятию, сконструированному с отсылкой к духовной общности поверх государственных границ, позволяет, с одной стороны, в мягкой форме ставить вопрос о соблюдении прав русских за пределами России, а с другой — избегать прямого обсуждения проблемы разделенного народа. Концепт Русского мира в той части, в которой он обращен к постсоветским русским общинам, по сути, предполагает примирение с разделенностью, фиксирует ее как устойчивое, «вечное» состояние русских. Акцент делается на поддержке русского языка и русской культуры *за рубежом* и на «возвращение» желающих этого соотечественников.

В 2000-х гг. была запущена программа возвращения соотечественников на родину, а также программы поддержки русского языка и культуры. Так, например, в 2011 г. была принята ФЦП «Русский язык», на реализацию которой в период 2011–2015 гг. было выделено 2,5 млрд руб. Программа была ориентирована на популяризацию русского языка за рубежом, вовлечение как можно большего числа людей в его изучение (увеличение числа учителей, закупка и распространение учебников).

Вызревание Русского мира как доктрины и как набора практических мер (до сих пор не завершенное) запаздывало по сравнению с политическими процессами, усложнявшими положение русских на постсоветском пространстве.

Во-первых, задолго до того, как русские общины за рубежом стали объектом российской внешней политики, во всех постсоветских государствах были приняты те или иные версии культурной политики, в большей или меньшей степени направленные на дистанцирование от России и русского культурного наследия.

Во-вторых, отъезд русских из ряда постсоветских стран, катастрофический по своим объемам и темпам, состоялся уже в 1990-х гг.; в таких странах русские превращены в маргинальное меньшинство.

В-третьих, нарастающие противоречия между Западом и Россией на пространстве бывшего СССР исключают для русского языка и русской культуры политически нейтральный статус. На практике это означает, что даже неполитические инициативы российских институций и русских организаций освещаются в прессе и в выступлениях политиков как «культурный империализм» и попытка политической экспансии Москвы.

В-четвертых, в риторике Запада имплицитно (иногда и эксплицитно) русское во всё большей мере отождествляется с негативным и враждебным («тоталитаризм», «авторитаризм», «коррупция»). Известная резолюция Европарламента, возложившая ответственность за Вторую мировую войну в равной мере на гитлеровскую Германию и СССР и назначившая день памяти жертв тоталитарных режимов на день подписания Договора о дружбе и границе между СССР и III Рейхом, была ярким, но не единственным примером такого вытеснения исторических противоречий за пределы Европейского союза. Учитывая же определяющую роль Великой Отечественной войны в символических структурах господствующих версий концепции Русского мира, такое вытеснение отчетливо воспринималось как «западное» против «русского». Попутно следует заметить, что Русский мир — и как практика, и как доктрина — в таком контексте оказался недостаточно наступательным и проактивным.

* * *

Воссоединение Крыма с Россией имело двоякое значение для Русского мира. С одной стороны, оно демонстрировало и его реальность (массовый выбор севастопольцев и крымчан в целом как русских в пользу России был очевиден), и готовность России защищать русских за пределами своих границ, несмотря на внешнеполитические обременения. Это послужило сильнейшим стимулом для укрепления патриотического самосознания и национальной гордости. В ноябре 2015 г. президент В. В. Путин на V Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, заявил, что воссоединение Крыма с Россией стало важным фактором консолидации российского зарубежья и всего Русского мира.

С другой стороны, исход «русской весны» на Украине показал и пределы политики силовой защиты русских, которые Россия не могла перейти. При этом Крым и Донбасс вызвали резкое усиление страхов правящих элит постсоветских государств перед предполагаемым русским ир-

редентизмом, активизировав военно-политические составляющие Русского мира в противовес культурным.

На постсоветском пространстве поднялась новая волна репрессий в отношении русскоязычных общин и беспрецедентного давления на русский язык. Россиефобия и даже русофобия стали официальной идеологической и политической линией на Украине. Негативное отношение к Русскому миру и его популяризации неоднократно высказывали власти Белоруссии и Молдавии. Так, А. Г. Лукашенко в последние годы выступал с резкой критикой тезиса о принадлежности Белоруссии к Русскому миру. Официальный Минск предпринимает усилия по выстраиванию особой идеологии и самостоятельного национального проекта, обособленного от России. Многие мероприятия по русской истории и культуре, запланированные на территории Белоруссии, блокируются или просто запрещаются (именно в последние годы!); оказывается давление на проводников Русского мира и тех, кто публично высказывается по поводу препятствий, которые чинят белорусские власти союзническим отношениям с Россией.

В прибалтийских государствах, где еще с 1990-х гг. проводилась дискриминационная политика по отношению к русскоязычному меньшинству, в последние годы негативная политическая линия в отношении России и русской диаспоры вновь усилилась. Например, в Латвии в 2018 г. были приняты поправки к закону об образовании, по которым реализован переход всех школ на латышский язык. В результате резко возрос процент преподавания на государственном языке (в начальной школе — не менее 50 % на латышском, в 7–9 классах — 80 %, а в старших классах только на латышском). И это при том, что русскоязычное население составляет около 34 % от общего числа, и ранее почти во всех школах, где учились русскоязычные, обучение осуществлялось и на русском языке. Акции протеста, проведенные накануне не принятия этих поправок, эффекта не имели.

Правительство Эстонии еще в 2015 г. запретило преподавание на русском в нескольких учебных заведениях Таллина, в том числе в Русской гимназии. Официальные заявления Москвы с критикой подобных шагов были проигнорированы.

На этом фоне положение русскоговорящего меньшинства в Литве выглядит более сносно, хотя ряд экспертов заявляет о сокращении присутствия русского языка в местном делопроизводстве и бытовом общении. Также фиксируется уменьшение числа русскоязычных школ и общего количества учащихся в них.

Власти Казахстана максимально дистанцируются от концепции Русского мира, стремясь укреплять национальную идентичность. Именно в подобном ключе реализованы и недавние шаги: в первую очередь это уже начавшийся переход на латиницу (направленный на поддержку казахского языка и обособление его от русского). В октябре 2017 г. власти Казахстана официально заявили об отказе от использования кириллического алфавита и переходе на новый алфавит на базе латиницы (в 2018 г. новый казахский алфавит был утвержден). Процесс перехода запланирован на семь лет, до 2025 г. Астана объясняет это и выбором ряда стран Каспийского региона: на латиницу уже перешли Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан. Впрочем, осенью 2019 г. переход на латиницу в Казахстане был заморожен, официальной причиной чего была объявлена необходимость доработки латинской письменности для целей передачи казахского языка.

В Таджикистане и Киргизии кириллица сохраняется, хотя предложения об отказе от нее в пользу латиницы, а в Таджикистане и в пользу арабского письма периодически раздаются.

Азербайджан и Туркмения перешли на латиницу уже достаточно давно (в случае Азербайджана это было обусловлено еще и тесными азербайджанско-турецкими связями).

Таким образом, на постсоветском пространстве идет закрепление монопольного положения титульных языков и выдавливание русского языка. Это создает неблагоприятные условия для политики сохранения Русского мира. Более того, звучат и оценки, согласно которым концепция Русского мира обречена [1].

* * *

Не менее сложна ситуация в русских диаспорах дальнего зарубежья. Эта часть Русского мира по своим характеристикам качественно отличается от ближнего зарубежья. Диаспоры возникли здесь в результате разновременных волн эмиграции, которые, образно выражаясь, образовывали острова Русского мира из различных осадочных пород. Отсюда крайнее разнообразие русских диаспор и в культурном плане, и в отношении исторической памяти. Они имеют собственные истории формирования, своих героев, свои исторические события и символы, которые в совокупности составляют отдельные историко-культурные наследия.

У русских диаспор дальнего зарубежья сложное отношение к современной России и тем более к Советскому Союзу. Обращение к советской культуре, являющейся одним из главных ресурсов для «русского зарубежья» постсоветского пространства, здесь, как правило, вызывает отторжение, если не отвращение. Потомки эмигрантов первой волны, сохранившие русскую идентичность, не могут положительно относиться к советскому наследию, во многих случаях продолжая следовать примеру таких моральных авторитетов, как Иван Ильин, Игорь Стравинский, Владимир Набоков или Иван Солоневич. Для них русское — это наследие исторической России, по отношению к которой СССР являлся абсолютным злом, при том, что Российская Федерация как государство в своих ценностях и своей политике фактически возвращается на советские рельсы. Потомки же второй волны настроены, как правило, еще более антисоветски, чем потомки первой. Ностальгию по советской культуре испытывает только часть эмигрантов третьей и четвертой волн.

* * *

Невзирая на более или менее успешные попытки Москвы в 2000-х гг. консолидировать Русский мир, после 2014 г. обозначился кризис этой концепции и этой политики. В новых реалиях и концепция, и политика требуют корректировки. При том что само понятие «Русский мир» далеко не утратило потенциала в провозглашении единства без ирредентизма. Особенно — учитывая страхи элит постсоветских государств перед «русской весной». Последняя показала, что русские всё же обладают выраженным самосознанием, которое упрочивается. Русские остаются одной из немногочисленных наций мира, владеющих высочайшими культурными образцами и политическим суверенитетом. И наилучшее средство от ирредентистских настроений в постсоветских странах — гарантировать русским их языковые и культурные права, исключить их дискриминацию [4]. С этой точки зрения совершенствование доктрины и практики Русского мира требует следующих мер.

Во-первых, необходима доктринальная достройка самого понятия. Нужен базисный документ, который определял бы Русский мир как духовное, культурное, языковое единство и политическую солидарность русских во всем мире поверх государственных границ и фиксировал уважение к этим границам. В таком документе Российская Федерация как историческая родина всех русских должна декларировать свою ответственность за благополучие русских общин за пределами России, обязуясь достигать этой цели политическими и дипломатическими, но не военными методами. Такая декларация внесет ясность и во внутрироссийскую полемику об отношениях российского государства и русского народа, хотя и не предполагает конституционного закрепления статуса русских.

Во-вторых, требуется привязка понятия «соотечественник» к носителям русского языка и русской культуры. В противном случае это понятие расширяется настолько, что теряет операциональность. Возможно, это понятие следует дифференцировать, создав специальную категорию и специальный статус для русских в бывших республиках СССР. С одной стороны, это позволит установить льготный режим въезда и предоставления российского гражданства для этой группы, наиболее пострадавшей в результате распада СССР и в наибольшей степени подвергающейся угрозе дискриминации. С другой — отсечет от соответствующих преимуществ группы, не являющиеся носителями русского языка и культуры, проживающие в дальнем зарубежье, но подпадающие под определение «соотечественника» в его нынешней безразмерной версии.

В-третьих, сотрудничество с соседними государствами должно быть обусловлено их практическими усилиями по обеспечению языковых и культурных прав русских, включая их право на свободный обмен информацией с исторической родиной. Интеграция любой ценой не должна расцениваться как рациональная стратегия на постсоветском пространстве. Тем более этой ценой не должно быть пренебрежение интересами русских. В рамках концепции Русского мира все русские организации (за исключением открыто ирредентистских) должны получать поддержку — от приоритетного доступа к бюджетному финансированию некоммерческих организаций до содействия со стороны посольств. Наделение русского языка статусом официального (в том числе возможность обращаться в государственные органы и получать от них ответ на русском) должно рассматриваться как желательная мера для всех бывших республик СССР.

В-четвертых, необходимо выстроить баланс между возвращением русских соотечественников в Россию и сохранением многочисленных и благополучных русских общин за ее пределами.

В ряде постсоветских стран социально-экономическая и политическая ситуация настолько плачевна, что русских оттуда впору эвакуировать. Другие страны — прежде всего, Украина и Белоруссия — являются родиной для русских в той же мере, что и для титульных наций. Это не значит, что русским из Украины и Белоруссии переселение в Россию должно быть затруднено. Это значит, что акцент в государственной политике должен быть сделан на обеспечении их интересов в стране проживания. Что предполагает, в частности, более активное дипломатическое и информационное продвижение темы дискриминации русских на Украине и связанных с этим угроз; публичную увязку санкций в отношении украинских политиков с их политикой в отношении русского меньшинства.

В-пятых, было бы крайне непродуктивно игнорировать «исторические политики» постсоветских государств и их деструктивный потенциал. Попытки обвинить Россию, русских и русское историческое наследие в современных бедах бывших советских республик, сознательное выстраивание образа русского как колонизатора, агрессора и угнетателя — всё это должно получать жесткие политические оценки. Публичное согласие российских официальных лиц с антироссийскими и антирусскими историческими нарративами, которые воспроизводятся постсоветскими политиками (или же даже умолчание о таковых), фактически подрывает интеграционные проекты и ухудшает положение русских общин в этих странах. Россия может вернуть себе интеллектуальное и организационное лидерство в проведении исторических исследований наследия Российской империи и СССР, активно поощрять профессиональные академические исследования и пропагандировать их результаты. Не увлекаясь цивилизаторской риторикой в описании истории Российской империи и Советского Союза, следовало бы делать акцент на том, что именно в рамках этих государств возникли национальные, а затем и национально-государственные проекты, ныне воплощенные в постсоветских государствах. Российская империя была не тюрьмой народов, а их колыбелью. Советская же государственность фактически стала инкубатором государственности для десятков народов — сначала устранив, физически и исторически, элиты Российской империи, а затем — навязав русскому народу прикладную «миссию» по отношению к остальным народам СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зевелев И. А. Метаморфозы русского мира: чем Россия заплатила за Крым // РБК. 2016. 18 марта. — URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/18/03/2016/56eba3b59a7947ebe61847dc>
2. Никонов В. А. Российская матрица. — М.: Русское слово, 2014. — 992 с.
3. Петухов В. В., Бараиш Р. Э. Русские и «русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 6. — С. 83–101.
4. «Русский мир»-2030: каким он будет // Россия в глобальной политике. — 2018. — № 2–3–1. — С. 130–149. — URL: <https://globalaffairs.ru/number/Russkii-mir-2030-kakim-on-budet-19491>
5. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. — М.: РОССПЭН, 2007. — 543 с.

MIKHAIL A. VOLKHONSKIY, VADIM M. MUKHANOV

THE CONCEPT OF RUSSIAN WORLD. THE VARIABILITY OF UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL PROCESSES

Mikhail A. Volkhonskiy, Ph.D. (History), Senior Researcher, Center for the Caucasian Studies and Regional Security, Institute for International Studies, MGIMO University.
E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

Vadim M. Mukhanov, Ph.D. (History), Senior Researcher, Center for the Caucasian Studies and Regional Security, Institute for International Studies, MGIMO University; Lead Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru

Summary. The article analyzes the concept of the *Russian world*, which became firmly established in the modern Russian political lexicon in the second half of the 2000s. The objective basis for the concept is the existence of numerous Russian-speaking communities outside of modern Russia, together with significant civilizational role of Russian language and culture. A characteristic feature of this concept is the lack of a clear, unambiguous definition of what the *Russian world* really is. At the moment, there are many definitions ascribing numerous meanings to the linguistic form *Russian world*. The article considers the peculiarities of the life of Russian communities in the near (the Post-Soviet space) and far abroad in the context of modern international processes. In conclusion, taking into account the variable meanings of the concept, as well as the negative experience of the policy pursued by Russian authorities in relation to Russian communities abroad, possible directions of alternation and development of this policy in the future are outlined.

Keywords: Russia, Russian-speaking communities abroad, *Russian world*, international processes.

REFERENCES

- Nikonov V. A. *Rossiiskaya matritsa* [The Russian Matrix]. Moscow: Russkoe slovo, 2014. 992 p.
- Petukhov V. V., Barash R. E. Russkie i «russkii mir»: istoricheskii kontekst i sovremennoe prochtenie [The Russians and the “Russian World”: the Historical Context and the Contemporary Interpretation]. *Polis. Political Studies*. 2014. No. 6. P. 83–101.
- “Russkii mir”-2030: kakim on budet [“Russian World”-2030: How It Would Look Like]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs]. 2018. No. 2–3–1. P. 130–149.
- Tsybursky V. L. *Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty. 1993–2006* [“The Island of Russia”. Chronopolitical and Geopolitical Works of 1993–2006]. Moscow: ROSSPEN, 2007. 543 p.
- Zevelev, Igor. Metamorfozy russkogo mira: chem Rossiya zaplatila za Krym [Metamorphoses of the “Russian World”: What Has Russia Paid for Crimea]. *RBK Group*. March 18, 2016. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/18/03/2016/56eba3b59a7947ebe61847dc>